К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ Ю. ХАБЕРМАСА

Юргена Хабермаса (род. в 1929 г.) вряд ли нужно специально представлять философам и интересующейся философией читающей публике: известный во всем мире, влиятельный философ — чьи идеи сначала развивались под воздействием «отцов» Франкфуртской школы, его учителей М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Г. Маркузе, под определенным влиянием (особым образом воспринятого) учения К. Маркса, а потом кристаллизовались в самостоятельную концепцию — не был обойден вниманием и у нас. О нем писали Т. И. Ойзерман, Г. М. Тавризян, И. С. Нарский и другие авторы. Однако полемика наших авторов с Ю. Хабермасом — что, впрочем, пока типично для диалога с западной мыслью, нам современной, — велась и ведется до сих пор в условиях, когда переводы его собственных сочинений почти что отсутствуют.

Публикация нижеследующей работы (вместе с появлением в журнале «Вопросы философии» (1989. № 2) доклада Ю. Хабермаса на Всемирном философском конгрессе в Брайтоне) предоставляет читателям самим судить об идеях философа. При этом, что очень важно, можно составить впечатления и о жизненном пути, и о сегодняшних мыслях и тревогах Хабермаса, а одновременно — о некоторых новейших идеях, тенденциях, дискуссиях философии Запада.

Во время нашей обстоятельной беседы в дни конгресса в Брайтоне (конец августа 1988 г.) я предложила Хабермасу выбрать и прислать для нашего «Историко-философского ежегодника» какую-либо из последних работ. Хабермас прислал тогда еще не опубликованную рукопись вступительной статьи к немецкому переводу нашумевшей на Западе книги Виктора Фариаса о Хайдеггере. Таким образом, мы предлагаем читателю для ознакомления и осмысления одну из самых последних работ этого философа. В дополнение к тому, что достаточно ясно выражено в ней, я хотела бы затронуть два вопроса: первый — о степени и глубине влияния Хабермаса на западную мысль на рубеже 80—90-х годов; второй — об общественном значении и значении для самого этого мыслителя вновь разгоревшегося спора вокруг темы «Хайдеггер и нацизм».

Ответы на первый вопрос даются разные. У нас стало распространяться мнение, что влияние Хабермаса на западную философию и культуру, пик которого пришелся на 60—70-е годы, сейчас почти что сошло на нет. Я этого мнения не разделяю. Глубина влияния Хабермаса, его популярность остаются, по моим наблюдениям, весьма основательными. Вряд ли можно отрицать тот факт, что на Западе и философы, и широкая публика продолжают числить Хабермаса среди философских «звезд» первой величины. Но ведь во всех подобных случаях очень существенно выяснить вот что: продолжает ли известный миру философ интен-

сивно работать, выдвигает ли он новые идеи, к каким формам воздействия на духовную культуру он тяготеет?

Новая книга Хабермаса «Постметафизическое мышление» (Nachmetaphysisches Denken. Philosophische Aufsätze. Fr. a. M., 1988), как и нижеследующая статья, позволяет утверждать, что философ продолжает поиск новых, истинно современных парадигм философского мышления. Его по-прежнему интересуют философские проблемы самого широкого мировоззренческого, духовно-нравственного, политического звучания. Видимо, по этой причине Хабермас отдает предпочтение написанию быстро поступающих в «духовный оборот» статей и эссе, чтению лекций (не только в ФРГ, во Франкфуртском университете, где он работает, но и в США, других странах, куда его наперебой приглашают). Книга «Постметафизическое мышление» частично составлена из ранее опубликованных статей, а частично — из переработанных текстов прочитанных лекций и докладов. Я думаю, что самую общую тему и одновременно идею книги лучше всего передает название одного из ее разделов «Единство разума в многообразии его голосов» (Die Einheit der Vernunft in der Vielfalt ihrer Stimmen). Многоголосье современного разума, его противоречия, трудности, его критика и его обоснование — вот что в высшей степени интересует Хабермаса. А проблему разума — и противостоящего ему антиразума — он трактует как один из центральных социальных вопросов. Надо отдать должное Хабермасу, он остро и верно чувствует, в каких сферах социальной, духовной деятельности и в какие исторические моменты общественное сознание испытывает особую нужду в философии. И наоборот, Хабермас чуток к тем как будто бы внутрифилософским дискуссиям, которые способны приобрести значительный общественный резонанс. Именно так произошло со «спором о Хайдеггере». Теперь я перехожу ко второму из ранее поставленных вопросов: в чем значение этого спора? Чтобы понять это, надо принять в расчет, что сразу после второй мировой войны в Германии много писали, говорили, дискутировали о вине и ответственности. Перед судом представали — но нередко, увы, его и избегали — военные и политические нацистские преступники. Но одновременно переживание национальной катастрофы, особенно вступающим в жизнь молодым радикально настроенным поколением, поставило перед судом духа и совести также и тех интеллектуалов, национал-социалистический энтузиазм или духовно-нравственная неразборчивость, равнодушие которых послужили идейной опорой кровавого тоталитарного режима.

Хабермас рассказывал нам в Брайтоне о том, как целый круг молодежи объединялся вокруг старшего поколения франкфуртцев — Хоркхаймера, Адорно, Маркузе, и именно потому, что те были убежденными и последовательными борцами против нацизма и тоталитаризма. Вопрос о Хайдеггере в философии и культуре Германии уже тогда был одним из самых острых. Надо сказать, что среди идеологов, постоянно или временно сотрудничавших

с нацистами, почти не было сколько-нибудь видных философов. На роль идеологов нацизма претендовала довольно-таки мелкая сошка. Из Хайдеггера, по моему мнению, никак нельзя делать идеолога нацизма. Однако произнесенная им в 1933 г. позорно знаменитая ректорская речь была временной, но поддержкой фашизму со стороны философа с мировым именем. Вот почему антинацистски настроенная молодежь, осуждая Хайдеггера, ждала от него самокритики, очищения, покаяния. Хайдеггер повел себя так, как если бы грехопадения вовсе не существовало. Его упорное уклонение от покаяния не прошло незамеченным. По словам Хабермаса, он сам вместе с другими учениками Маркузе упрашивал последнего написать письмо Хайдеггеру, побуждая его к очищающему покаянию. Маркузе письмо написал, но, как думали молодые, слишком «мягкое». Под давлением учеников было им написано другое — резкое и принципиальное — письмо. Видимо, не один Маркузе увещевал Хайдеггера. Однако это действия не возымело. Время от времени (например, в 1953 г.) возникали новые, но уже более слабые всплески тех же споров и настроений. Но жизнь шла своим чередом. И можно было подумать, что «нацистский грех» Хайдеггеру, причисленному к классическим мыслителям XX в., «отпустило» само время. Но, как оказалось, суд, не состоявшийся при жизни Хайдеггера, все же устроен сегодня, после его смерти, причем, как ни парадоксально, в преддверии 100-летнего юбилея (Хайдеггер родился в 1889 г.). Нынешнюю дискуссию Хабермас расценивает как доказательство неизбежности суда духа и совести над политической, нравственной нечистоплотностью действий и идей людей, в том числе (а может, прежде всего) мыслей и идей тех, кому отпущен незаурядный ум и яркий талант, кто призван служению великой философии.

Понятен пафос Хабермаса, полагающего, что раскрытое, но не выкорчеванное из жизни, духа, культуры зло — например, националистическое упоение «голосами земли и крови» — прорастает вновь, и что оно вновь требует приговора истории, взыскательного суда новых поколений. У Хайдеггера, конечно, есть не только судьи, но и защитники. Словом, спор-суд продолжается.* (Что он затрагивает в ФРГ широкие круги общественности, я могу судить, например, по такому факту: в кратком интервью, которое взял у меня во время конгресса в Брайтоне корреспондент Мюнхенского радио, одним из первых был поставлен вопрос об отношении к данному спору.)

Но поскольку спор идет о Хайдеггере, очень даровитом философе и создателе сложного, многоаспектного философского учения, остается ведь вопрос о том, перечеркивает ли акт его политического и нравственного пособничества нацизму значимость и смысл его

---

* См. по этому вопросу: *Руткевич А. М.* Хайдеггер и нацизм // Вопр. философии. 1988. № 11.

философии. Хабермас в начале статьи высказывается против «огульного дискредитирования» философии Хайдеггера. Но потом он ее, как мне представляется, все же основательно дискредитирует, напрочь «повязывая» с нацизмом.

Признаться, поэтому у меня были сомнения по поводу того, как отзовется статья Хабермаса у нас в стране, где о Хайдеггере, правда, писали и пишут такие яркие и объективные авторы, как, например, П. П. Гайденко или А. А. Михайлов, но где всегда наготове радетели «огульного дискредитирования» и где еще только стоит задача перевода и издания главных трудов Хайдеггера. Но ведь негоже нам сегодня, когда мы отказываемся от духовного изоляционизма, игнорировать дискуссии, которые ведет мировое философское сообщество. Я и хочу пригласить заинтересованных читателей «Ежегодника» продолжить дискуссию, ибо ясно: она — не только о Хайдеггере и не только о Германии.

Н. Мотрошилова

ХАЙДЕГГЕР: ТВОРЧЕСТВО И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Ю. Хабермас

I

В. Францен в превосходно комментированной библиографии сочинений Хайдеггера начинает раздел «Хайдеггер и национал-социализм» словами: «К настоящему времени в Федеративной Республике есть целый ряд публикаций, содержащих данные по „делу Хайдеггера“... Однако действительно открытая, свободная дискуссия, тем более в „лагере“ самих приверженцев школы Хайдеггера, до сих пор едва ли имела место». Это было сказано в 1976 г.[1] Ныне ситуация изменилась. Толчком для возобновленной дискуссии послужили, наряду с другими факторами, опубликованные в 1983 г. (вместе с вновь изданной ректорской речью) заметки, в которых Хайдеггер оправдывает свое политическое поведение в 1933/34 г. с позиций 1945 г.[2] Достоянием гласности, благодаря прежде всего работам фрейбургского историка Хуго Отта [3] и многие годы стоявшего близко к Хайдеггеру философа Отто Пёггелера [4], а также сообщению Лёвита о встрече с Хайдеггером в Риме в 1936 г.[5] (записано в 1940 г.), стали новые факты. Кроме того, продолжающееся издание полного собрания сочинений Хайдеггера позволяет получить более глубокое представление о содержании все еще не полностью опубликованных лекций и записей Хайдеггера 30—40-х годов [6]. Все же потребовались усилия чилийского коллеги, чтобы окольным путем — путем перевода с французского языка испанского оригинала — политическая биография Хайдеггера стала доступной и немецкому читателю.